

§4 ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Н.А. Борисов

ПРОЕКТИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГИЙ И ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ (СЛУЧАЙ УЗБЕКИСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА)¹

Аннотация: В статье рассматриваются основные способы легитимации власти в контексте становления национальных государств и проблем стабильности политических режимов на примере двух постсоветских государств (Узбекистана и Кыргызстана). В центре внимания находится поиск ответов на вопросы о том, в силу каких обстоятельств политическими элитами формируются те или иные идеологемы для укрепления легитимности режимов и какими именно способами они транслируются и о том, почему в одном случае режиму удалось достичь относительной стабильности, а в другом кризис легитимности привел к разрушению политической системы. Основное внимание уделено анализу приемов, механизмов и составляющих легитимации указанных политических режимов и факторам их политической стабильности в ближайшей перспективе. Отмечается, что в целях легитимации господства в условиях консолидации режимов правящие элиты обратились к поиску национальных идеологем, способных выступить в качестве инструмента легитимности и оправдать притязания на господство. Отсутствие значимых расколов и оппозиционных акторов в Узбекистане привело к тому, что правящая элита получила возможность беспрепятственно транслировать новый набор ценностей, не встречая при этом сопротивления и не обращаясь к демократической легитимации. В Кыргызстане попытка совместить структурный тип легитимности с идеологическим (архаические национально-культурные концепты) и отчасти персональным оказалась неудачной, что вело к подрыву легитимности правящей элиты и способствовало объединению контрэлиты на основе неприятия данных ценностей.

Ключевые слова: Политология, политический режим, политическая стабильность, идеология, консолидация, легитимность, идентичность, расколотое общество, правящая элита, доверие

Одна из важнейших характеристик любого политического режима касается способов и типов его легитимации. Разнообразие и разновекторность эволюции политических режимов на постсоветском пространстве заставляет обратиться к более тщательному анализу оснований их легитимности и способов их легитимации. Очевидно, что при этом возникает важная политико-технологическая и политологическая (методологическая) проблема, затрагивающая по меньшей мере два аспекта легитимности политических режимов. Это, во-первых, вопрос о том, в силу каких обстоятельств политическими элитами формируются те

или иные идеологемы для укрепления легитимности режимов и какими именно способами они транслируются? Во-вторых, это проблема кризиса и утраты легитимности некоторыми постсоветскими политическими режимами и политическими лидерами, что заставляет задуматься о причинах такого явления и выяснить, почему в одних государствах такого кризиса удалось избежать, в других же, напротив, он привел к разрушению всей политической системы. В качестве двух интересных в указанном отношении примеров, позволяющих провести бинарное сравнение, можно рассмотреть случаи Узбекистана и Кыргызстана. В то время как в одном государстве политических режим показывает свою относительную устойчивость, во втором кризис легитимности привел к серьезным политическим потрясениям, а

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития РГГУ на 2012-2016 гг. (проект 2.1.1).

Политические режимы и политические процессы

консолидация нового политического режима в стране еще, по всей видимости, далека от завершения.

В данном случае нас будет интересовать не столько «вера» граждан «в идею легитимности», сколько характеристика комплекса способов и механизмов легитимации власти политическими элитами, то есть тех приемов, с помощью которых режим поддерживает веру народа во власть, обосновывает свое существование и создает определенный образ будущего. При этом будем исходить из того, что сам факт легитимности режима зависит не от «веры» граждан, а от их поведения². В соответствии с идеей Д. Битема, власть можно считать легитимной по факту, если соблюдены три условия. Во-первых, она должна осуществляться в соответствии с установленными правилами, причем исключительно важно, что имеются в виду правила как формальные, так и неформальные. Во-вторых, эти правила должны быть признаны и правящими элитами, и иными политическими акторами, и гражданами в качестве обязательных. В-третьих, со стороны общества не должно быть никаких признаков того, что оно в корне несогласно с данным режимом: иначе говоря, конвенциональное политическое участие граждан и должно быть критерием фактической легитимности политического режима. Учитывая данный тезис, обратимся к анализу оснований легитимности в Узбекистане и Кыргызстане.

Очевидно, что после распада СССР и появления новых независимых государств перед их правящими элитами остро встала проблема формирования и (или) укрепления национально-государственной идентичности. Это было необходимо и для легитимации их власти, и для обоснования модернизационных проектов, способных привести государства к процветанию. При этом элиты либо выбирали условно «западный» модернизационный проект, провозглашая безусловный приоритет демократических ценностей и вхождение в европейское сообщество как конечную цель, либо пытались выдвинуть проект, альтернативный западному, либо стремились совместить оба этих проекта. Формирование же национальной идентичности, часто затруднявшееся отсутствием или краткостью существования национального государства в досоветский период, неизбежно предполагало обращение элит к национальной истории, культуре и религии, апелляции к

опыту национальной государственности либо его конструирование «воспоминаний» о нем.

В Узбекистане, по-видимому, имелись наилучшие среди стран Средней Азии исторические структурные предпосылки к легитимации режима через национальный и исламский компонент, поскольку Узбекистан имел опыт государственности (в виде трех государственных образований на территории Средней Азии – Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств) и относительно глубоко укорененную религию, что во многом было следствием существования с древнейших времен на его территории оседло-земледельческой культуры. Тем не менее, нациообразовательные процессы здесь нельзя считать завершенными, что подтверждает существование кланов (субэтнических групп, объединенных родовой (родственной) или территориальной общностью происхождения). Кланов в Узбекистане сформировались на основе территориальной общности происхождения предположительно в конце XIX – начале XX вв. (обычно выделяют ташкентский, самаркандско-джизакский и ферганский кланы) Однако клановость в Узбекистане в меньшей степени носит черты родовых предпочтений (трайбализма) в классической форме, не в последнюю очередь потому, что узбеки давно перешли к оседлости, и знание о том, кто из какого рода и племени произошел, здесь утратило свое значение и актуальность.

Кыргызстан в досоветский период не имел опыта государственности, а киргизское общество традиционно представляло собой конфедерацию родоплеменных образований с элементами военной демократии, которые в условиях кочевого образа жизни киргизов не сложились в единую нацию. Тем не менее, можно говорить о формировании двух киргизских субэтносов – северного и южного, которые со временем стали все больше различаться между собой по степени оседлости, культуре, религии, образованности³. В советский период задачи по объединению двух ветвей киргизов в единую нацию практически не были реализованы, а этнополитические процессы в годы Советской власти в чем-то даже способствовали углублению расколов. Регионально-клановый раскол продолжал существовать и

² *Beetham D.* The Legitimation of Power. Macmillan; Hong Kong, 1991. P. 70.

³ В действительности сами эти субэтносы довольно фрагментированы: в них выделяются отдельные родоплеменные группы, которые могут являться более значимыми, чем сами субэтносы. Однако в исследовательских целях данной статьи более частным делением можно пренебречь.

проецировался на политические отношения (существовало разделение политической элиты на «северную» и «южную»). Консолидацию нации затруднял значительный приток в республику русскоязычного населения, в результате чего доля титульной нации в советский период снизилась до 42%. Приток русскоязычного населения наблюдался в основном в северные области и крупные города республики, закрепляя раскол не только по линии «север – юг», но и по линии «город – село». В южных областях Кыргызстана традиционно проживало также большое количество узбекского населения. Кроме того, промышленность в советский период наиболее интенсивно развивалась на севере республики, что позволяет сделать вывод о наличии экономических и – как следствие – социальных диспропорций (расхождений в уровне урбанизации и уровне жизни). Таким образом, клановость здесь носит ярко выраженный родоплеменной (семейно-родовой) характер, что отличает ее от узбекской клановости.

Население северных областей Кыргызстана традиционно было менее религиозным. Северные киргизы приняли ислам поздно и в т.н. «облегченном» (кочевом) варианте, т. е. на уровне обрядов и обычаев. В среде южных киргизов, раньше перешедших к оседлости и ассимилировавшихся с узбеками, ислам был укорен довольно глубоко.

Политическая культура киргизского и узбекского общества в целом также имеет специфические черты. Общим является наличие разветвленных неформальных связей на разных уровнях, наличие строгой социально-возрастной иерархии, преобладание среди агентов политической социализации прежде всего таких институтов, как семья и более широкий круг родственников и знакомых. Вместе с тем, для узбеков традиционно в гораздо большей степени был характерен патернализм в смысле веры в государство как систему справедливого распределения социальных благ и проводника страны по пути к всеобщему процветанию и благосостоянию, а также уважительное и почтительное отношение к власти. Во многом такое отношение дополняется исламскими представлениями о государственной власти как институте, призванном воспитывать народ, поощряя в нем добродетель и карая порок. Легитимность, таким образом, основана на традиции уважения к тем, кто эту власть олицетворяет. Политический лидер рассматривается как непосредственный выразитель воли народа без опосредующих институтов и органов власти. Правитель понимается как

отец нации, строгий, но в то же время и справедливый. Даже наказание от него можно терпеть именно в силу того, что он является отцом, а поэтому не может действовать во вред нации.

Для киргизов (особенно для северных) такое отношение к власти характерно гораздо менее, главным образом потому, что кочевое безгосударственное общество не знало института деспотического верховного правителя, обладающего монополией на власть. Поскольку кочевое общество представляло собой конфедерацию племен, то власть верховного правителя (который, что примечательно, избирался, а не получал власть в порядке наследования) всегда была чисто номинальной, а любые попытки ее узурпации и диктата представителя какого-либо одного рода воспринимались как нелегитимные, противоречащие традиции. В условиях крайне дисперсного расселения, особенно в труднодоступных горных местах, киргизы часто вообще не имели понятия о какой-либо «центральной власти» и тем более не воспринимали ее как силу, к которой можно обратиться за поддержкой или от которой можно ожидать каких-либо социальных благ. По существу, не сформировалось и понятие ни о государстве вообще, ни о центральной власти как о некоем институте, призванном гарантировать общее благо. В кочевом обществе каждый род и племя традиционно рассчитывали исключительно на собственные силы, поскольку фактически каждое родоплеменное объединение представляло собой самостоятельную политическую единицу. Соответственно и понятие «семьи» у киргизов расширялось до понятия рода, поэтому семья могла включать несколько сотен человек, даже не обязательно связанных кровнородственно. В этом и состояло основное отличие в отношении к власти киргизов по сравнению с узбеками. Другое дело, что в меньшей степени все изложенное касалось южной ветви киргизов, которые намного раньше перешли к оседлости и жили в исламизированной Ферганской долине. Можно отметить, что они традиционно имели меньшее политическое влияние и меньше каналов доступа к власти, однако наличие двух политических субкультур в Киргизии не стоит недооценивать.

Таким образом, задачи правящей элиты Кыргызстана, связанные со строительством национального государства и поиском оснований легитимации власти изначально оказывались гораздо более трудно реализуемыми из-за специфики основных структурных факторов.

Политические режимы и политические процессы

Для утверждения национальной идеи элиты, как правило, находят «кульминационный момент» истории, деятельность харизматической или даже легендарной личности, некое исторического героя, вокруг которого и будет строиться вся эта идея. В Узбекистане таким героем стал Амир Тимур (1336-1405), один из самых жестоких правителей в мировой истории. Культ Амира Тимура утверждается в Узбекистане на разных уровнях. В центре Ташкента был установлен памятник Тимуру: Тамерлан предстает в образе воина, конь под которым становится на дыбы, а всадник протягивает вперед руку с обнаженным мечом. На пьедестале высечен девиз Тимура «Сила в справедливости». Исключительно символическим является тот факт, что ранее на этом месте стоял памятник Карлу Марксу. Замена на Тимура означает, что именно Тимур будет теперь тем «ядром», вокруг которого будет создаваться национальная идея.

Тимур изображается великим политическим деятелем, великим экономистом⁴, покровителем искусств, наук, ремесел, защитником всех угнетенных и обездоленных. Прославляются и его человеческие качества: мудрость, доброта, справедливость, даже гуманизм. Некоторые авторы объявили Тимура борцом за права человека, за свободу и независимость Узбекистана⁵. За последние годы не было практически ни одного номера общегосударственной газеты, вышедшей без статьи или хотя бы упоминания об Амире Тимуре.

Культ Тимура утверждается и другими способами. Так, высшей наградой Узбекистана является Орден Амира Тимура, награждение которым приурочено ко Дню независимости Узбекистана и широко освещается в средствах массовой информации. Регулярно проводятся различные конкурсы и олимпиады, посвященные памятным датам из жизни Тимура, причем вопросы этих соревнований непосредственно касаются жизни и деятельности «великого предка». Главным музеем страны объявлен Музей истории Тимуридов, для которого специально было выстроено огромное здание в центре столицы. Многие колхозы страны стали именоваться «имени Амира Тимура». Каждый день рождения Тимура отмечается с необычайным размахом, причем Правительство дает указания подготовить определенное количество спектаклей и фильмов о жизни Тимура. Утверждая культ Тимура, Президент страны И. Каримов особо подчеркивает, что в совет-

ский период имя Тимура «вымарали черной краской со страниц нашей истории и пытались предать забвению», т.е., по И. Каримову, Тимур становится еще и главным символом национальной независимости узбеков. «Кто хочет постичь, что такое узбек, в чем сила и мощь узбекской нации, тот должен вспомнить личность Амира Тимура», – утверждает И. Каримов⁶.

Другими героями национальной узбекской истории стали Улугбек, Навои, Рудаки, Ф. Ходжаев и Ш. Рашидов. Последние два деятеля предстают в новой концепции национальной истории как люди, противостоявшие «экспансии Советской России». Ф. Ходжаев, Председатель Совнаркома Узбекской ССР в 1925-1937 гг., был расстрелян в ходе сталинских репрессий. Ш. Рашидов был отстранен от должности в связи с «хлопковым делом» и затем осужден партийным руководством и в Москве, и в Ташкенте. Теперь эти деятели выступают как национальные герои, стремившиеся ослабить «диктат Москвы». Сразу же после прихода к власти И. Каримова были восстановлены памятники Ш. Рашидову в Ташкенте и Джизаке, его прах перенесен на прежнее почетное место и с почестями перезахоронен, в его честь назван один из проспектов Ташкента.

Если в Узбекистане наблюдается явное и неявное проведение параллелей между Тимуром как символом независимости и Президентом И. Каримовым как лидером, вернувшим нации независимость, то в Кыргызстане «величайшим национальным символом», отражающим «генетический код нации», был объявлен эпос «Манас», главный герой которого также неявно сравнивался с Президентом А. Акаевым. Так, в ходе предвыборной кампании по выборам Президента отчетливо проводилась параллель между Манасом, который объединял киргизов на раннем этапе их истории, и А. Акаевым, чья историческая миссия якобы заключается в создании современной единой нации. В эпосе нашли отражение почти все этапы киргизской истории. Основная сюжетная линия связана со сказанием о Манасе – национальном богатыре необыкновенной силы, а общая идея – с объединением киргизских племен перед лицом внешней опасности⁷. А. Акаев в целях создания более солидной опоры легитимности предложил считать, что записи «Манаса»

⁴ Правда Востока. 1997. 11 февр.

⁵ Правда Востока. 1997. 25 апр.

⁶ Каримов И.А. Дань уважения: речь на торжестве, посвященном открытию памятника Сахибкирану Амиру Темуру в городе Ташкенте 31 августа 1993 года. URL: <http://www.press-service.uz/rus/rechi/r08311993.htm>.

⁷ Манас Великодушный / пер. С.И. Липкина. Л., 1947.

велись с X в., и установить точную дату его рождения – 995 г., что дало ему возможность отпраздновать в 1995 г. 1000-летие «Манаса» и объявить этот год Годом Манаса. Очевидно, что это было сделано исключительно для актуализации национального компонента легитимности в преддверии президентских выборов.

На официальном уровне были сформулированы «Семь заветов Манаса Великодушного», в число которых были включены следующие лозунги: нерасторжимое единство народа, согласованность и сплоченность народа; межнациональное согласие, дружба и сотрудничество; национальная честь и патриотизм; через кропотливый, неустанный труд и знания – к процветанию и благосостоянию; гуманизм, великодушные, терпимость; гармония с природой; укрепление и защита киргизской государственности. Как видно, основной акцент в этих заветах сделан на двух ключевых идеях: национального единства и национальной государственности.

В рамках внедрения в общественное сознание «манасизма» была также создана специальная наука и учебная дисциплина «манасоведение», обязательная к изучению в вузах⁸. В структуре Национальной Академии наук был создан Национальный центр манасоведения и художественной культуры.

Кроме того, национальным символом Кыргызстана был сделан писатель Ч. Айтматов, выдвинутый на получение Нобелевской премии. Состоялось перезахоронение репрессированного Т. Айтматова (отца писателя), из Москвы торжественно перенесен прах И. Раззакова – первого советского руководителя республики из этнических киргизов. Хорошим тоном стало «обращение к корням» представителей правящей элиты, выразившееся в поиске знатных предков. Сам А. Акаев подчеркивал, что его отец является прямым потомком знаменитого родоначальника Тагай-бия, верховного правителя киргизских племен в начале XVI в., и верховного правителя племени сарыбагышей Атаке-бия, снарядившего первых киргизских послов к Екатерине II⁹. Тем самым Президент пытался легитимировать свою личную власть через идею наследования как по крови, так и по величине исторической миссии, показывая преемственность по отношению к великим родоправителям и в прямом, и в переносном смыслах.

⁸ Болджурова И.С., Шерстюк И.А. Краткая история манасоведения: в помощь студентам. Бишкек, 1998.

⁹ Акаев А. Памятное десятилетие: трудная дорога к демократии. М., 2002. С. 72-73.

Подчеркнем, что в Узбекистане трансляции националистической идеологии облегчалась относительно однородным этническим составом населения страны (70-75% узбеков). В Кыргызстане же меры по утверждению националистической идеологии вступали в противоречие с объективной многосоставностью (полисубъектностью) киргизского общества, в котором киргизы составляли чуть более половины всего населения. Утверждение национальной идеи и отдельные проявления радикального национализма, провозглашение единственным национальным языком киргизского приводило в начале 1990-х гг. к массовой эмиграции русскоязычного и немецкоязычного населения республики, недовольству узбекского сегмента населения. Тем самым утверждение национальной идеи приводило к экономическому и имиджевому ущербу Кыргызстана, поскольку из страны уезжала наиболее образованная и высокостатусная часть населения. Все это заставило элиту искать синтетическую идеологию, сочетавшую национальную и наднациональную компоненты. Эти поиски нашли выражение в концепции «Кыргызстан – наш общий дом». Ее особенность состояла в том, что киргизы признавались основой национального государства, но вместе с тем она подчеркивала ценность понятия «народ Кыргызстана», под которым понимались все граждане республики. Эти и другие меры способствовали некоторому замедлению темпов эмиграции некиргизского населения. Продолжением этой же политики было внесение в 2003 г. поправки в статью 5 Конституции республики, провозгласившую русский язык «официальным языком» Кыргызстана. Тем самым статус русского языка был возвышен над языками прочих нетитульных наций.

Другое направление в рамках выработки идеологии национального единства касалось необходимости выравнивания положения северных и южных регионов в духовно-идеологическом плане. С этой целью было предпринято несколько масштабных акций. Так, в 2000 г. с размахом отмечалось 3000-летие города Оша, тогда же он был объявлен «второй столицей Кыргызстана», в нем была размещена южная резиденция Президента¹⁰. Особое внимание уделялось восстановлению мусульманских святынь в южных областях. Таким образом, в идеологии, по выражению Президента, синтезировались идея «государственной независимости», под которой понима-

¹⁰ Акаев А. Памятное десятилетие: трудная дорога к демократии. М., 2002. С. 210.

Политические режимы и политические процессы

лось прежде всего возрождение киргизской нации, и идея «национальной государственности» – выражения ответственности киргизов за судьбу всех этносов, проживающих в республике.

Другим компонентом идеологического типа легитимации любого режима может стать религия. В Узбекистане очевидна попытка сделать ислам частью государственной идеологии. Представляется, что главная цель элиты в этом отношении – показать, что только власть может быть единственным представителем и носителем «истинного» ислама, отказывая тем самым оппозиционным исламским движениям в праве представлять ислам, «отбирая» у них эту функцию.

Обращаться к исламу как к способу легитимации своей власти правящую элиту побуждают и другие обстоятельства. Среди них можно выделить стремление использовать религию для консолидации коренного мусульманского этноса, преодолеть клановость общества. Власти обращаются к исламу и в целях укрепления своего авторитета в мусульманском мире. Так, при контактах с зарубежными мусульманскими государствами И. Каримов постоянно ссылается на общую религиозную идентичность.

И. Каримов ставит цель противопоставить «культурный», «духовный» ислам «политическому» исламу. Это делается, например, с помощью организации больших праздников на государственном уровне по случаю юбилеев выдающихся исламских богословов, правоведов, ученых. Так, в сентябре 1993 г. широко отмечалось 675-летие Бахауддина Накшбанда, в 1997 г. – Бурханиддина Маргилани, в 1998 – 1225-летие аль-Бухари. Благоустриваются захоронения исламских философов Накшбанда, ат-Термези и других, создан комплекс усыпальницы аль-Бухари в Самарканде, который превращен в центр религиозного паломничества.

В 1999 г. при Кабинете Министров был учрежден Ташкентский Исламский университет – светское учебное заведение, целью которого является изучение опыта и культурного наследия ислама, подготовка специалистов в области религии. Государственное признание получили религиозные праздники Курбан-Байрам, Рамазан, Руза Хайит, объявленные выходными днями. На узбекском языке издан Коран и четырехтомник хадисов.

В Кыргызстане ислам не мог выступить в качестве компонента легитимности в силу слабой укорененности его в республике и наличия большого процента немусульман. Государство поддержива-

ло определенные меры по возрождению ислама, но практически исключительно в южных регионах и в ограниченном масштабе.

Таким образом, правящие элиты Узбекистана использовали для утверждения национального государства наиболее очевидный способ легитимации – идеологический, предполагающий формулирование идеологием на основе обращения к национализму и исламу в Узбекистане либо к национализму без исламского компонента в Кыргызстане. Примечательно, что персональная составляющая легитимности оказывалась неразрывно связанной с идеологической: действующим лидерам государств (И. Каримову и А. Акаеву) сознательно создавались образы прямых продолжателей величайших национальных героев и их исторической миссии. Тем не менее, наличие минимальных структурных предпосылок для национально-культурной легитимации, на наш взгляд, предопределило отсутствие в обеих республиках необходимости создания культа личности Президента, подобного культу Туркменбаши, фигура которого выступала в Туркменистане в качестве главного, если не единственного, компонента легитимации.

Что касается структурного компонента легитимации рассматриваемых режимов, понимаемого как укрепление легитимности на основе учреждения и укоренения формальных демократических институтов, и прежде всего института выборов, то в Узбекистане, политическая система которого изначально учреждалась как авторитарная даже на уровне формальных институтов, структурный компонент легитимации практически отсутствовал. На основе анализа нормативных актов и заявлений политических лидеров можно сделать вывод о том, что элиты не стремились к учреждению демократии ни на практике, ни даже на уровне политической риторики. Президент И. Каримов подчеркивает, что при демократизации общества нужно «учитывать менталитет нашего народа, своеобразие национального мышления... В этом деле не следует никого копировать»¹¹, и даже соглашается с отсутствием в стране демократии в классическом понимании, обосновывая авторитаризм задачами поддержания мира и стабильности: «Я понимаю: кому-то очень хочется выдать Каримова за диктатора. Признаю: возможно, и есть в моих действиях признаки авторитаризма... Но я объясняю

¹¹ Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. М., 1997. С. 26.

это только одним: в определенные периоды истории... необходима все-таки сильная исполнительная власть. Это необходимо, чтобы не допустить кровопролития и противостояния... Если хотите, это необходимо для движения к той же демократии». Получается, что движение к демократии в Узбекистане, по И. Каримову, возможно исключительно через авторитаризм, через сильную и даже жесткую государственную власть. «Процесс перехода Узбекистана от тоталитарной, административно-командной системы к демократии будет продолжаться долго, неизвестно, сколько времени это займет и вообще, закончится ли этот процесс», – заявил И. Каримов, выходя с избирательного участка в день референдума 21 января 2002 г.¹² Кроме того, Президент неоднократно подчеркивал уникальность узбекской модели экономической и политической модернизации.

В Кыргызстане правящая элита во главе с А. Акаевым в силу ряда причин (прежде всего внутриэлитного раскола и своей генетической связи с демократическим движением конца 1980-х – начала 1990-х гг.) попыталась связать с национальной идеей (причем в самом ее архаичном и традиционалистском варианте), провозглашение в стране демократических ценностей, что было специфической особенностью Кыргызстана, отличавшей его от других центральноазиатских государств. Это предполагало проведение альтернативных выборов в парламент, демократическую легитимацию Президента страны, обеспечение разделения властей, свободы слова, прав человека, верховенства закона и т. п. Однако процессы поэтапной монополизации власти, манипуляции с формальными демократическими институтами, постоянные изменения «правил игры» и – как следствие – их дискредитация, сокращение сферы свободы слова, аресты основных противников А. Акаева и правозащитников, монополизация власти представителями нескольких северных родоплеменных кланов приводили к резкому разрыву демократической риторики и авторитарной практики (например, акаевский лозунг «Кыргызстан – страна прав человека» невозможно было увязать с арестом и тюремным заключением на длительные сроки видных оппозиционеров Ф. Кулова и Т. Тургуналиева). Со временем А. Акаев все чаще стал делать акцент на «национальной модели демократии», а в последние годы правления – на противопоставлении специфически киргизской модели демократии по-

пыткам насадить «универсальную» демократию в ходе «цветных революций»¹³. Это, в свою очередь, постепенно ослабляло доверие к власти.

Все это с очевидностью приводит к выводу о том, что при А. Акаеве правящая элита пыталась навязать обществу противоречащие друг другу основания легитимности власти, что выражалось в сочетании националистической идеологии в самом ее традиционалистском и архаическом варианте (идеологический тип легитимности), с демократической (структурный тип легитимности). Это было вызвано противоречивостью самих задач новой элиты: необходимость, с одной стороны, скорейшего утверждения национального государства (что быстрее всего могло быть сделано авторитарными способами), с другой – создания современных демократических институтов. Такое противоречие не могло породить устойчивого доверия к власти у общества в целом, поскольку общество продолжало оставаться глубоко расколотым. Кроме того, выдвигаемые в рамках данной идеологии лозунги со временем все больше расходились с политической практикой. Так, с одной стороны, внимание акцентировалось на поддержке культурного развития нетитульных наций, в том числе русскоязычных, с другой стороны – представители некиргизских сегментов (составлявшие до 40% населения) были практически полностью отстранены от важнейших государственных должностей. Попытки создания видимости духовно-культурного единения северных и южных киргизов противоречили тому, что правящая элита, не допуская к власти представителей южных элит, даже не пыталась ничего предпринимать для преодоления внутриэтнического раскола в политическом аспекте. В итоге все эти противоречия в условиях отсутствия исламской компоненты легитимности и наличия контрэлиты, причем сначала чрезвычайно фрагментированной, а затем все более консолидированной, определяли слабость идеологии, делали ее чрезвычайно уязвимой, вызвали ее постепенное размывание, что в результате способствовало подрыву легитимности правящей элиты и лично Президента А. Акаева. Это свидетельствует о том, что расколотые общества невозможно объединить на основании националистической идеологии или, тем более, на основании веры в демократические процедуры, кото-

¹² Узбекистан до демократии не дорос // Общая газета. 2002. № 12. С. 5.

¹³ Акаев А. Демократия: универсальное и национальное: об особенностях развития политического процесса в переходных условиях // Политический класс. 2005. № 1. С. 35.

Политические режимы и политические процессы

рые при этом полностью исключают доступ к власти представителей иных сегментов таких обществ.

Обратим внимание на то, что к концу 1990-х гг. власть в Кыргызстане утратила все три признака легитимности, выделенные Д. Битемом: власть в лице правящей элиты постоянно меняла правила и нормы в зависимости от ситуации, отказавшись от неформального поддержания родоплеменного баланса в правящей элите; правила и нормы, навязанные правящей элитой, не являлись обязательными ни для правящих (поскольку применялись они избирательно), ни для управляемых, которые в ряде случаев отказывались играть по правилам, навязанным элитой; со стороны общества все чаще проявлялись признаки того, что оно несогласно с данным режимом. Отметим при этом, что в обществах, расколотых по родоплеменным основаниям, подобных киргизскому, и межличностное доверие, и доверие политическим институтам, и доверие власти в целом в значительной мере основано на родоплеменной, клановой идентификации: граждане поддерживают данного политика или политическую партию, являющуюся его клиентелой, в силу осознания родоплеменной или земляческой общности с ним. На этом основывается и готовность населения поддержать своего земляка в борьбе за доступ к власти в условиях «несправедливой», с его точки зрения, монополии на господство представителей другого рода. О том, что такую готовность довольно легко мобилизовать в политических целях, свидетельствовали «революционные» события марта 2005 г. Они окончательно выявили тот факт, что доверие утратили и лидер страны, и политический режим, и вся политическая система в целом. Именно поэтому смена элиты была осуществлена неинституциональным (недемократическим и невыборным) путем. События 2005 г. показали, в частности, и то, что даже у представителей силовых структур не сформировалось чувства принадлежности к единой нации, национальной самоидентификации и готовности защищать общенациональную власть, что, безусловно, также способствовало краху режима А. Акаева.

Новая элита во главе с К. Бакиевым, однако, не показала склонности к консолидации нации и укреплению легитимности власти на новых основаниях. Власть оказалась практически полностью монополизированной представителями другого сегмента элиты, не допускающей к распределению важнейших постов иные родоплеменные группы и русскоязычных граждан; продолжилось построение «манасиз-

ма» (так, правительство открыло в одном из вузов специальный факультет, студенты которого будут углубленно изучать традиционную киргизскую культуру на основе эпоса «Манас»); была создана новая комиссия по выработке национальной идеологии¹⁴. Проекты новой Конституции республики впервые изначально были опубликованы только на киргизском языке, что, по справедливому замечанию Н. Омарова, привело к фактическому исключению этнических меньшинств из процесса реформирования собственной страны. Это стало одним из факторов нестабильности политического режима, закончившейся новым политическим переворотом и сменой политической элиты в 2010-2012 гг.

Таким образом, в обеих республиках в целях легитимации господства в условиях консолидации режимов правящие элиты обратились к поиску национальных идеологов, способных выступить в качестве инструмента легитимности и оправдать притязания на господство. Отказавшись от построения тотальных мировоззренческих идеологий по типу марксистско-ленинской, элиты обратились к национальным менталитетам, национальной культуре и истории. Такой выбор был обусловлен незавершенностью процесса нациеобразования и относительно слабой модернизированнойностью данных обществ в сравнении, например, с союзными республиками европейской части СССР. В результате в Узбекистане сложился довольно целостный комплекс идеологием, содержащий в себе черты идеологического (национально-культурную и исламскую компоненты и некие целостные концепты понимания национального прошлого и представления об идеальном будущем) и отчасти персонального типов легитимности. Отсутствие значимых расколов и оппозиционных акторов в Узбекистане привело к тому, что правящая элита получила возможность беспрепятственно транслировать новый набор ценностей, не встречая при этом сопротивления и не обращаясь к демократической легитимации. По крайней мере, поведение граждан страны указывает на то, что они не выражают явного несогласия с существующим режимом (стремительное подавление Андижанского выступления и отсутствие подобных действий на национальном уровне, а также подчинение военнослужащих и милиции, в отличие от киргизского случая, прика-

¹⁴ Омаров Н. 2006. «Суверенная этнократия» и поиски национальной идентичности Кыргызстана. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060927034601813>.

зу о применении силы лишь подтверждает неготовность общества к изменению существующего режима и готовность силовых структур защищать действующую власть) сопротивления. Напротив, в Кыргызстане попытка совместить структурный тип легитимности (связать доверие власти с учреждением и функционированием демократических институтов) с идеологическим (архаические национально-культурные концепты) и отчасти персональным оказалась неудачной: набор идеологием «распадался» на отдельные части, которые к тому же резко контрастировали с политической практикой, что вело к подрыву легитимности правящей элиты и способствовало объединению контрэлиты на основе неприятия данных ценностей.

В результате можно утверждать, что кризис легитимности власти в Кыргызстане, который привел к крушению режима А. Акаева (а впоследствии и К. Бакиева), был обусловлен как структурной «расколотостью» общества, так и попытками построения национального государства на основе игнорирования, а не преодоления основных социетальных расколов. В этой связи представляется, что сверхзадачей для основных политических сил в расколотых обществах, подобных киргизскому, стоящих к тому же перед необходимостью модернизации, является обеспечение новых оснований легитимности власти, которые совмещали бы традиционные ценности с демократическими, не доводя их при этом до противоречия. Иными словами, речь идет о том, чтобы совместить традиционную легитимность с демократической (структурной), но таким образом, чтобы национализм сочетался с реальным, а не декларируемым этнополитическим плюрализмом, а демократические институты соответствовали политической практике и одновременно – политической традиции, существуя при этом не только в Конституции и политической риторике. Вероятно, это можно сделать несколькими способами, среди которых либо последовательная замена родоплеменной, национально-клановой идентичности на политическую (прежде всего формирование именно политических, а не клановых партий), либо реализация основных принципов лейпхартовской «сообщественной демократии», что будет означать представленность в парламенте всех сегментов общества (в каком соотношении – это следующая проблема) и предоставление им права взаимного вето. В первом случае все субъекты политического процесса на основе доверия политическим институтам, лишенным клановой составляющей, получают гарантии потенциальной возможности прихо-

да к власти. Это, в свою очередь, должно привести к тому, что получение власти одним из акторов будет рассматриваться другими не в качестве фатальной катастрофы, а в качестве временного явления. Во втором случае каждый субъект политического процесса получит гарантии блокирования неприемлемых для него политических решений, что также должно вести к росту доверия политическим институтам. Последнее может способствовать закреплению консенсусной модели демократии через институционализацию серии промежуточных компромиссов и договоренностей. Некоторые признаки начала таких процессов уже появились, однако до формирования у основных политических акторов культуры плюрализма и компромисса в условиях сохраняющегося национального раскола и отстранения от власти русскоязычного сегмента населения еще, по всей видимости, довольно далеко.

Вместе с тем нужно помнить о том, что национальное единство является важнейшим предварительным условием демократизации (необходимым, но, конечно, недостаточным). Опыт постсоветских государств показывает, что именно те страны, в которых раньше и сильнее других были сформированы основы национальной идентичности и социального консенсуса относительно модернизационного проекта, в наибольшей степени реализовали демократические принципы и процедуры (это прежде всего государства Балтии). С другой стороны, отсутствие такого консенсуса и идентичности затрудняют процесс консолидации не только демократий, но и автократий в таких разных странах, как Украина, Молдова, Таджикистан, Кыргызстан. При этом очевидно, что национальное (в политическом смысле) единство в таких обществах может быть достигнуто не столько устранением национальных и регионально-клановых различий (что в расколотом обществе вообще невозможно), сколько путем институционализации этих различий в политической системе как на формальном, так и неформальном уровнях. Очевидно, что только при реализации этой сложнейшей задачи могут быть созданы основания для доверия граждан и родоплеменных политических элит как к политической системе в целом, так и к конкретному политическому режиму и лидерам страны.

Автор выражает благодарность экспертам К.Н. Абдуллаеву (Душанбе) и В.Б. Богатыреву (Бишкек) за ценные замечания при подготовке данной статьи.

Политические режимы и политические процессы**Библиография:**

1. Акаев А. Памятное десятилетие : трудная дорога к демократии / А. Акаев. – М. : Междунар. отношения, 2002.
2. Акаев А. Демократия : универсальное и национальное : об особенностях развития политического процесса в переходных условиях / А. Акаев // Политический класс. – 2005. – № 1. – С. 25–36.
3. Болджурова И.С. Краткая история манасоведения : в помощь студентам / И.С. Болджурова, И.А. Шерстюк – Бишкек, 1998.
4. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса / И.А. Каримов. – М. : Междунар. отношения, 1997.
5. Каримов И.А. Дань уважения : речь на торжестве, посвященном открытию памятника Сахибкирану Амиру Темуру в городе Ташкенте 31 августа 1993 года / И.А. Каримов [Электронный ресурс]. – Ташкент, 1993. – Режим доступа: <http://www.press-service.uz/rus/rechi/r08311993.htm>.
6. Манас Великодушный / пер. С.И. Липкина. – Л., 1947.
7. Омаров Н. «Суверенная этнократия» и поиски национальной идентичности Кыргызстана / Н. Омаров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060927034601813>.
8. Правда Востока. – 1997. – 11 февр.
9. Правда Востока. – 1997. – 25 апр.
10. Узбекистан до демократии не дорос // Общая газета. – 2002. – № 12. – С. 5.

11. Beetham D. The Legitimation of Power. – Macmillan; Hong Kong, 1991.

References (transliteration):

1. Akaev A. Pamyatnoe desyatiletie : trudnaya doroga k demokratii / A. Akaev. – M. : Mezhdunar. otnosheniya, 2002.
2. Akaev A. Demokratiya : universal'noe i natsional'noe: ob osobennostyakh razvitiya politicheskogo protsessa v perekhodnykh usloviyakh / A. Akaev // Politicheskii klass. – 2005. – № 1. – S. 25–36.
3. Boldzhurova I.S. Kratkaya istoriya manasovedeniya : v pomoshch' studentam / I.S. boldzhurova, I.A. Sherstyuk – Bishkek, 1998.
4. Karimov I.A. Uzbekistan na poroge XXI veka : ugrozy bezopasnosti, usloviya i garantii progressa / I.A. Karimov. – M. : Mezhdunar. otnosheniya, 1997.
5. Karimov I.A. Dan' uvazheniya : rech' na torzhestve, posvyashchennom otkrytiyu pamyatnika Sakhibkiranu Amiru Temuru v gorode Tashkente 31 avgusta 1993 goda / I.A. Karimov [Elektronnyy resurs]. – Tashkent, 1993. – Rezhim dostupa: <http://www.press-service.uz/rus/rechi/r08311993.htm>.
6. Manas Velikodushnyy / per. S.I. Lipkina. – L., 1947.
7. Omarov N. «Suverennaya etnokratiya» i poiski natsional'noy identichnosti Kyrgyzstana / N. Omarov. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.analitika.org/article.php?story=20060927034601813>.
8. Beetham D. The Legitimation of Power. – Macmillan; Hong Kong, 1991.